

*Посвящается Бетти Луиз;
прости, что так долго*

И маме с папой — спасибо вам за все

Она не подозревала, что когда водосточные трубы засорены, то от дождя на плоских крышах образуются целые озера, и жила спокойно до тех пор, пока в стене своего дома случайно не обнаружила трещины.

ГЮСТАВ ФЛОБЕР. Госпожа Бовари*

* Перевод Н. Любимова.

ПРОЛОГ

Раннее утро, среда, 9 июля 1969 года

Завтра, а может, послезавтра, все узнают о том, что я сделала. Узнают, кто я.

Первыми за мою историю возьмутся итальянские желтые газеты *Gente* и *L'Espresso*, потом обо мне напишут в Лондоне — в *Mirror* и *Sun*. По подводным кабелям она пересечет Атлантический океан (воображение рисует уродливую донную рыбину, в ужасе разевающую косозубый рот, когда мимо проносится свидетельство моей греховности), и, когда выползет из моря в Нью-Йоркской бухте или Чесапикском заливе, эта сплетня перерастет в нечто гораздо более опасное — станет настоящей новостью.

New York Times, *Washington Post*... Этим дело не кончится, моя история отправится дальше на запад страны, выйдет в *Dallas Morning News* и *LA Times*. На званых ужинах, в барах после работы, на деловых встречах от Нью-Йорка до Голливуда — мое имя будет у всех на устах, пережевано и проглощено вместе с колотым льдом и коктейльными вишенками в «Джулепах» и «Манхэттенах».

И когда эта история зазвучит голосом такого авторитета, как Уолтер Кронкайт из вечерних новостей, до меня точно кто-нибудь доберется.

Все это, разве что более сумбурно и бессвязно, я рассказываю мужчинам, сидящим напротив на моем чудовищном терракотовом бархатном диване.

Вообще, диван не мой — будь на то моя воля, я бы попросила обшить его тканью букле приятного нейтрального оттенка. Или одним из тех блестящих мятыно-зеленых венецианских дамастов, что я видела в отеле «Чиприани». Мы с Дэвидом как-то останавливались там на одну ночь, под конец нашего медового месяца. Потягивали «Беллини», глядя на Венецианскую лагуну, и плавали в прекрасном бассейне с морской водой под открытым небом; с территории отеля даже видна площадь Святого Марка. Жаль только, что летом весь город пахнет болотом. Все равно что жить у реки Буффало-Байу в Хьюстоне.

Но диван не мой, впрочем, как и все остальное в этой квартире, — когда я въехала, вся мебель уже была. Наверное, в этом тоже кроется одна из причин случившегося: в Риме я так и не смогла почувствовать себя дома.

— Послушайте, — произносит мужчина пониже ростом, прерывая мой бессвязный поток слов. Я вдруг осознаю, что все это время рассуждала вслух. — Миссис Шепард, прошу вас, постарайтесь не волноваться. У нас просто дружеская беседа, поэтому рассказанное вами не покинет пределы этой комнаты. Мы лишь пытаемся понять, что вчера произошло.

— Стандартная процедура проверки... — начинает второй, высокий мужчина, но коллега быстро прерывает его взглядом, в котором читается предостережение.

— Отнеситесь к этому разговору как к интервью, — говорит низкий. — Для какого-нибудь журнала. Скажем, «День из жизни леди» или «Дома у женщины».

— Правильно будет «День из жизни женщины», — отвечаю я, — и «Дома у леди». — И оба гостя на какое-то время замолкают.

Различать их непросто: оба одеты, как Дэвид, в белые рубашки с черными галстуками, однако их костюмы, сшитые по итальянским лекалам, гораздо уже по крою, чем свободные американские костюмы Дэвида, которые он носит и здесь; как и Дэвид, оба щеголяют очками в темной оправе, водружеными на их непримечательные носы. И у них одинаково стриженные каштановые волосы.

— Простая формальность, — нарушает тишину высокий мужчина. — Бюрократия. Нам бы восстановить цепочку событий, только и всего. Так что, миссис Шепард, прошу вас. Расслабьтесь. Выпейте немного. У нас просто дружеская беседа.

Я вдруг понимаю, что, если бы до их прихода не успела снять вечернее платье, они бы увидели пятна крови. Тогда беседа уж наверняка потеряла бы дружеский тон.

Я не сразу осознала, что случилось: соцветия лиловых пятен на синем шифоновом платье, прекрасные потемневшие золотистые бусины вокруг рукавов и воротника. В моем представлении кровь должна быть красной, но она, подобно краске, смешалась с цветами моей одежды. Лишь заметив у себя на ладонях яркие, неопровергимо алые мазки, я все поняла.

Оказавшись дома, я сняла платье, скомкала его, как использованный бумажный платок, и оставила лежать на полу в спальне, потом переоделась в синие джинсы («брюки рабочего», как презрительно называла бы их моя мать) и неглаженную белую рубашку Дэвида (неглаженную, конечно, потому, что ее не погладила я).

А ведь у нас с этими мужчинами почти одинаковые рубашки, вдруг понимаю я.

Стоит им отправиться в спальню и немного осмотреться, поднять с пола грязные полотенца и вещи, как они быстро отыщут кровавое платье.

Я никогда не умела замечать следы. Когда что-то идет не так, все написано у меня на лице.

В конце концов все вскроется, потому что сейчас все возьмутся выяснить правду. Дэвид и его люди, Госдепартамент США, моя семья и даже эти треклятые русские. Подтянутся журналисты. Уже вижу, как некий неугомонный молодой репортер летит сперва в Даллас, потом в Вашингтон, вынюхивает. Заглядывает под каждый камень и находит всех моих гадких червячков.

Произнеси я это вслух, мужчины в костюмах сказали бы, что во мне говорит мнительность. Что я сама говорю как помешанная — как те чудики, заявляющие о заговоре вокруг отчета об убийстве Кеннеди.

Но правда в том, что моя бдительность, напротив, почти всегда дремлет. Есть у меня отвратительная привычка верить людям на слово и полагать, что я единственная волчица в овечьей шкуре. Из-за этого я частенько испытываю страх

и чувство вины. Но теперь-то я сумела залезть под кожу всем овцам в стаде и могу сказать с определенной уверенностью: натура у них преимущественно волчья.

Я беру бокал — бурбон Дэвида, налитый на два пальца, — и делаю глоток, как мне и посоветовали. Своим невозмутимым гостям я тоже предложила выпить — когда они возникли на пороге нашей квартирки и негромко постучали, зная, что я открою, ведь выбора у меня все равно не было, — но они отказались. Наверное, посчитали, что им лучше сохранять ясность ума.

От резкого запаха бурбона у меня слезятся глаза, я тру их и замечаю, что размазала макияж и сорвала накладные ресницы, оставшиеся с вечеринки. Я берусь за легкие, как паутинка, волоски — бренд Andrea, на сто процентов натуральные европейские ресницы, — и начинаю отклеивать.

«Ребенок в душё» — так называется эта модель; на рекламной страничке, которую я видела в журнале «День из жизни женщины», были изображены ресницы самой разной длины и формы, а над ними надпись полужирным черным шрифтом гласила: «Какая ты женщина?».

Я чувствую, как нежная кожа век на мгновение приподнимается над глазными яблоками, когда я тяну за клейкую ленту, и один из мужчин — тот, что повыше, — глядит на меня в полном ужасе. Наверное, я сейчас похожа на зомби из фильма «Ночь живых мертвецов», эдакая охотница за человечиной.

— Лиз Тейлор тоже такие носит, — заявляю я в свою защиту.

Мужчины лишь молча пялятся.

Телефон на стене в маленькой кухне начинает трезвонить как сирена, и ведь стоило ожидать, что кто-нибудь позвонит, но я все равно подпрыгиваю на месте, вздрагиваю и чувствую на себе взгляды мужчин, ловящих каждую мою неосторожную эмоцию, пока после седьмого звонка низкий наконец не снимает трубку.

Мать, наверное, пришла бы в ужас: она всегда считала, что брату нужно после третьего звонка, если вообще собираешься отвечать.

А мужчина меж тем ничего и не отвечает — никакого «квартира Шепардов, Тедди у аппарата», как я обычно щебечу в трубку; ни даже скучного «здравствуйте». Просто молча слушает, что говорят на другом конце провода.

— Кто это? — спрашиваю я.

Телефонный провод раскачивается и упруго подпрыгивает, как выпущенный из плойки локон, а мужчина, прижимая к уху трубку, глядит на меня. Со своего места я слышу лишь приглушенное бормотание, но вижу, как уголки его губ опускаются до прямой линии, а потом ползут вниз. Наконец, поморщившись, он произносит: «Принято» — и с едва слышным щелчком вешает трубку обратно.

— Кто это? — повторяю я. — Все хорошо?

Мужчина на секунду отводит взгляд вправо — по словам Юджина, так делают лгуны, прежде чем соврать, — и отвечает:

— Конечно, миссис Шепард. Все в полном порядке. Как я уже сказал, у нас просто дружеская беседа.

— А теперь, — добавляет высокий, — расскажете нам все с самого начала?

— Я этого не хотела, — говорю я, и он с любопытством наклоняет голову.

— Не хотели чего?

Не хотела почти ничего из этого — ничего из того, что натворила за свою жизнь. Так с чего же начать рассказ?

1. ДАЛЛАС

Январь — май 1969 года

На первое свидание Дэвид пригласил меня в «Стейки и морепродукты Артура». Я часто вспоминаю тот вечер, обдумываю его события снова и снова, как жемчужница обволакивает слоями перламутра попавшую в раковину песчинку. Пытаюсь увидеть тревожные звоночки.

Но это было обычное свидание — по крайней мере, мою жизнь оно не перевернуло. Я даже не влюбилась. Он показался мне неловким и непривлекательным — очки в роговой оправе и оттопыренные уши, выступающие по бокам головы как паруса. Они были мясистыми и как будто поломанными, как у боксеров, только вот Дэвид не боксер. Не хочу сказать, что он не опасен, просто имеет собственные способы борьбы, и руки для них не нужны.

Надо сказать, сейчас я стыжусь впечатления, которое составила о нем при знакомстве. Как безжалостно я судила его по вещам, на которые он не мог повлиять. Позже у меня появится достаточно причин осуждать его, но тогда я этого не знала.

Моя кузина Марша убедила своего мужа, давнего приятеля Дэвида из Висконсинского университета, дать Дэвиду мой номер. По-видимому, он тогда прилетел в Даллас

по государственным делам, проделал долгий путь из американского посольства в Риме, и у него совсем не было знакомых в городе, чтобы выйти куда-нибудь поужинать, — точнее, как я узнала позже, никого, кроме Марши и ее мужа, а поскольку Марше Дэвид показался холодным и отталкивающим, она решила не тратиться ради него на няню. И потому вспомнила обо мне.

Марша вечно пыталась с кем-нибудь меня свести. «Вы отлично друг другу подходите, — сказала она по телефону, предупредив, что он может позвонить в любую минуту. — Вы двое — самые завидные холостяки, которых я знаю».

Я была очень красива — и, чтобы вы знали, я говорю это не из самовлюбленности; люди часто делали мне комплименты. И делают до сих пор, так что, казалось бы, свидания должны были даваться мне легко. Но в Далласе все красивы, а мне было уже тридцать четыре, и все другие мужчины, с которыми знакомила меня Марша, отзывались обо мне как об отчужденной, замкнутой и странной — «твердом орешке», что всегда меня удивляло, ведь я почти всегда чувствовала себя нежной сердцевиной без скорлупы, легкой добычей для любой пробегающей мимо белки. Марша всегда охотно делилась со мной этими отзывами, словно сообща мы могли бы изменить мое поведение. «Не будь такой напряженной, Тед, — повторяла она. — Расслабься немного».

И в тот вечер я расслабилась. Распустила длинные волосы, небрежно начесала на макушке, как у Джин Шримптон на обложке *Vogue*. И повторила один из ее образов — платье-футляр из шелковой чесуи с прямоугольным вырезом,

огромные серьги с горным хрусталем и серебряные лодочки. Оставалось шесть месяцев до моего тридцатипятилетия, и до тех пор я была намерена найти себе мужа; все в моем окружении одобряли этот план.

«Некоторые женщины с возрастом становятся лучше, как вино, а некоторые киснут, как молоко», — любил повторять дядя Хэл, когда я наконец взялась искать себе мужчину. Он говорил это каждый раз, как кто-нибудь приглашал меня провести выходные за городом. Но никогда не спешил уточнять, что мне повезло оказаться первым типом женщин, из чего я делала вывод, что, по его мнению, уже начала закисать. «Еще не поздно, — великолюбно улыбалась мать. — К тому же ты такая очаровательная девушка».

— Я свожу вас на ужин, — сказал Дэвид по телефону, когда наконец позвонил мне двадцать третьего января, через два дня после переговоров с авиакомпанией «Брэнифф» по поводу ее расширения в Италии. «Свожу вас» — звучало так, будто он заедет за мной и проведет до самого столика. Но потом Дэвид сообщил мне место и время, и я поняла, что он хочет встретиться уже там. Как назло, несколькими днями ранее папа отвез мою машину в сервис, а на такси мне едва удалось бы наскрести денег под конец месяца. Снова просить у родителей было бы некрасиво, а сослаться на свое необеспеченное положение, как какая-нибудь стюардесса или секретарша, и попросить Дэвида за мной заехать тоже бы не получилось, поскольку я работала в Фонде Хантли, а такой деятельностью обычно

занимаются те, у кого уже есть деньги, — хотя на самом деле я ничего не зарабатывала.

Естественно, ничего этого он знать не мог, но это было и неважно, ведь обычно все происходило иначе. Со временем я усвоила, что Дэвид всегда такой — держится излишне самоуверенно, что странно, учитывая, какое первое впечатление он производит, но теряется и тушуется, когда дело доходит до деталей.

Печально: хочется, чтобы мужчины, провозглашая себя хозяевами вселенной, вели себя соответствующе, обладали полным контролем над миром, которому приносят столько вреда, но потом они забывают подарить помощнице розы на день рождения или не могут правильно произнести *hors d'œuvres**.

Все, что я знала о Дэвиде, когда мы встретились с ним в ресторане: он госслужащий и ему нравится бурбон, — и оба этих факта я услышала не от него. О государственной службе мне рассказала Марша, а о бурбоне поведал ее муж Рой, выхвативший трубку, чтобы поделиться омерзительной историей о вечеринке студенческого братства в Мэдисоне пять лет тому назад. И все же я потратила на подготовку несколько часов, постаралась навести красоту. Таков был мой расчет: если буду соглашаться на каждое свидание и преподносить себя безупречно, в конце концов один из кавалеров захочет оставить меня при себе.

* Закуски (фр.). — Здесь и далее прим. пер., если не указано иное.

Только вот с математикой у меня плохо. Иначе бы, наверное, я не оставалась под конец каждого месяца с суммой, которой не хватает даже на поездку на такси.

Помню, как плакала из-за неудавшейся укладки в ванной своей небольшой квартирки, которую папа подарил мне после выпускного, а мама украсила шелковыми шторами от *Salamandré* и обставила спальным гарнитуром от *Weir*. Как думала все отменить, когда расковыряла прыщик на щеке, и он закровоточил, и пришлось прикладывать кусочек салфетки, чтобы остановить кровь, как делают мужчины во время бритья, и не испортить макияж. Образовавшаяся позже корочка пару дней выглядела как родинка, пока не отпала. Даже остался шрамик.

В итоге я добиралась до ресторана на автобусе и опоздала на полчаса. Попыталась кокетливо отшутиться, изобразить независимость и беззаботность, но поняла, что Дэвид раздражен, по тому, каким тоном он сказал: «Ничего страшного» — и как улыбнулся, стиснув зубы, и от этого мне захотелось немедленно уйти. Я уже все разрушила — испортила свидание, на которое, может, даже и не хотела идти, и теперь неважно было, высыжу ли я до конца вечера, ведь потом я в одиночестве вернусь в свою квартиру на Терпл-Крик, к изысканным цветистым шторам, с мыслями о том, что скольким бы мужчинам я ни ответила согласием, что даже если бы я отправилась не домой, а во «Французский уголок», «Библиотеку» или другие бары, куда ходила обычно, все мои дни всегда будут заканчиваться вот так, пока наконец близкие не смирятся с тем,

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru